

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 26-36
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.26

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the Medieval Kingdom to the Empire of Modern Times: Models of the State Structure in Russia of the XVII – beginning of the XVIII centuries in Russian Historical Thought

Ludmila V. Mininkova ^{a, *}

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The question of the time of transition from the medieval Moscovite Kingdom to modern Russia, the political form of which was the Russian Empire, has been raised in Russian socio-historical thought since the XVIII century. The prevailing was that the beginning of a new period of Russian history falls during the reign of Peter the Great. Based on the principle of historicism, S.M.Soloviov pointed out that the beginning of a new period in the history of Russia was in the XVII century, when the prerequisites for Peter's reforms were formed. This point of view has been firmly established in Russian historiography, including in the Soviet period. The basis for such a revision were the theories of the patrimonial state and the regular, or police state to which attention is drawn in the works of modern historians. It is emphasized that the end of the patrimonial state and the transition to a new Russia, which happened under Peter I. In the historical consciousness of the general population, the new period of the country's history is also associated with Peter the Great.

Keywords: social-historical thought of Russia, Russian historiography, a new period of Russian history, patrimonial state, regular state, the police state.

1. Введение

Тема эволюции государственного строя в России и основ взаимоотношений между обществом и государством была на протяжении всего развития отечественной общественно-исторической мысли одной из центральных. Это было неслучайно. От решения связанных с этой темой вопросов зависело понимание сущности и характера не только государственного устройства в стране, но и особенностей общественного строя и положения разных слоев населения по отношению к власти, а также вопроса о времени перехода от средневекового Московского царства к новой России. Исследование этих вопросов представляет интерес как существенная часть более общей проблемы исторического места средневековой и новой России в системе государств, обществ и культур Запада и Востока.

Вопрос об историческом рубеже между старой и новой Россией, или началом нового периода русской истории, прослеживается, начиная с XVIII в. Он вызывал интерес в общественно-исторической мысли. Ответ на него предложила Екатерина II в «Размышлениях о Петербурге и Москве». Она писала, что «Петербург в течение сорока лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет с тех пор, как она построена; ... народ там мягче, образованнее, менее суеверен, более свыкся с иностранцами, от которых он постоянно наживается тем и другим способами, и т.д.» (Екатерина II, 2010: 812). Таким образом, для императрицы «Петербург» был новым периодом в истории государства, петербургская империя пришла на смену Московскому царству. Эти слова отражали точку зрения того времени,

* Corresponding author

E-mail addresses: lvmininkova@sfedu.ru (L.V. Mininkova)

распространенную в дворянском обществе. Но в условиях неразвитости научной исторической мысли в эпоху Просвещения общественные суждения оказывали на нее существенное влияние.

Свое решение этого вопроса предлагал князь М.М. Щербатов. Основываясь на положении о роли общественных нравов как определяющей черты в характеристике страны и народа, он полагал таким рубежом царствование Петра I, с которого, по его мнению, можно было говорить «о повреждении нравов в России» (Гриценко, 2021: 101-102, 110). Несколько иначе отвечал на этот вопрос Н.М. Карамзин. Он связывал начало нового периода также с царствованием Петра I, когда в результате его реформ и военных побед появилось «новое величие России», но «не только». Произошло вместе с тем «совершенное присвоение обычаев Европейских» (Карамзин, 2020: 290). Вместе с укреплением и изменением своего положения в мире страна, по его мнению, стала менять свой культурный облик. «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России» (Карамзин, 2020: 293), – констатировал Н.М. Карамзин факт подобной перемены. С Петра I начинал историю новой России М.П. Погодин, прямо заявлявший, что «нынешняя Россия, то есть Россия Европейская ... есть произведение Петра Великого» (Погодин, 2010: 229). Также с петровского царствования начинал новый период в российской истории Н.Г. Устрялов. Он отмечал, что Петр Великий при проведении своих реформ «хотел преобразовать полуазиатскую Россию в государство, цветущее промыслами, искусствами, науками, с необходимым политическим весом в Европе» (Устрялов, 1858: XXX).

По-новому вопрос о начале нового периода в истории России ставил С.М. Соловьев. Это был вопрос о времени перехода от русского Средневековья к новому периоду русской истории. Согласно С.М. Соловьеву, этот период начался с XVII в., когда «начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав». Он подчеркивал, что «тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиною XVIII, разделять их нельзя» (Соловьев, 1988: 55). Со времени С.М. Соловьева этот вопрос казался решенным. Новый период истории России с 1613 г. начинал В.О. Ключевский (Ключевский, 1957: 5). Мысль о начале нового периода истории России с XVII в. принял В.И. Ленин. Но он связывал это начало с процессом становления всероссийского рынка и складывания в стране буржуазных связей (Ленин, 1979: 153-154). Эта концепция полностью господствовала в трудах советских историков. Однако делалась оговорка, что «XVII век представляет собой лишь самое начало нового периода, когда буржуазные связи и отношения только начинают создаваться» (Очерки..., 1955: 23).

При таком понимании хронологической грани между старой и новой русской историей, ее московским и петербургским периодами, последние десятилетия существования Московского царства и начало истории Российской империи объединялись в рамках концепции нового периода истории страны.

2. Материалы и методы

Материалами являются труды отечественных историков, относящиеся к вопросу о хронологической грани наступления нового периода отечественной истории и о критериях, по которым определяли эту грань.

Теоретической основой является положение интеллектуальной истории, согласно которому концепции, дающие объяснение историческому процессу, в том числе относящиеся к истории идей в исторической науке, представляют собой сочетание более частных идей, на базе которых они построены. По словам основоположника интеллектуальной истории А. Лавджоя, «большинство философских систем оригинальны и отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» (Лавджой, 2001: 9). Несомненно, что это можно отнести не только к философским системам, но и к теориям в исторической науке и в ее истории. В данном случае к таким концепциям относятся обоснования времени перехода от средневекового Московского царства к новой России, а частные идеи, на базе которых выстраиваются ее обоснования, также представляют собой теории, объясняющие характер и особенности Российского государства, его общественного и политического устройства за период от Смутного времени до царствования Петра I. К таким теориям относятся распространенные в отечественной историографии теории вотчинного государства и пришедшего ему на смену в петровской России регулярного, или полицейского, государства.

Вместе с тем следует учитывать, что обоснование вопроса «о древней и новой России» и хронологическом разграничении между этими двумя стадиями в ее истории имеет тесную связь не только с актуальными проблемами исторической науки, но и с вопросами отечественного прошлого, вызывающими массовый интерес. В самом деле, он относится к оценкам новой династии, занявшей московский престол после Смуты, к реформам Петра I, к характеристикам российского самодержавия в целом. Несомненно, что интерес к этому вопросу в массовом историческом сознании способствовал тому, что он поднимался в исторической науке даже тогда, когда, как казалось, уже был решен. Отсюда в качестве основания для методологического принципа исследования поставленной проблемы может быть выдвинута идея единства духовной культуры. Она предполагает необходимость «восстановить общий интеллектуальный контекст эпохи» (Репина, 2011: 398), влиявший на появление и решение данного вопроса. Такая задача реализуется при опоре на

методологический принцип холизма, в рамках которого учитывается взаимовлияние разных сторон культуры общества, в том числе массового сознания и исторической мысли. Использование историко-сравнительного метода дает возможность сопоставить между собой точки зрения на хронологию и критерии выделения старого и нового периодов в развитии государства в России. Системно-структурный метод (Лаптева, 2006: 208) позволяет представить дискуссии по вопросу о хронологии перехода от старой к новой России, от царства к империи, как споры о структурных составляющих в рамках такой более общей и сложной интеллектуальной системы, как общая периодизация отечественной истории. На его основе также ставится вопрос о критериях этого перехода. Решение этих вопросов выстраивалось на базе частных теорий вотчинного государства и регулярного государства.

3. Результаты

Значение периодизации российской истории XVII–XVIII вв. и критерии периодизации

Периодизация российской истории этого времени дает представление о понимании историками сложных процессов перехода от средневекового Московского царства к новому периоду истории страны, политическим выражением которого было государство при Петре Великом, а формой – Российская империя. Как свидетельствует история анализа этого вопроса в отечественной исторической мысли, такие критерии выстраивались на основе преобладания факторов, относившихся к внутреннему культурно-политическому положению в стране, к внутренним социально-экономическим отношениям, к ее международному положению, а также к комплексному сочетанию культурно-политических и международных факторов. На основе учета культурно-политических особенностей возникла периодизация, в основе которой была четкая грань между московским и петербургским периодом, а также состояние нравов. При такой периодизации рубеж приходился на петровское время. На основе сочетания культурно-политических факторов выделяли XVII в. в качестве начала нового периода российской истории С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. Социально-экономический фактор был положен в основу периодизации, начиная с В.И. Ленина, и был принят советскими историками.

Комплексный учет факторов внутренней жизни и внешнеполитического положения страны содержат теоретические модели вотчинного государства и регулярного государства, сочетание которых за последнее время в исторической науке стали принимать во внимание при основании хронологии нового периода отечественной истории. В этих теориях преобладает учет характера власти в государстве, или политическая сторона. Но в то же время они имеют комплексный характер, поскольку вопрос о власти в таких государствах связан с особенностями их культуры, отношений собственности и с международным положением.

Модель вотчинного государства

Модель вотчинного государства уходила своими историческими корнями в средневековую Московскую Русь. Теория Московского государства как великокняжеской и царской вотчины опирается на источники. В московском летописном своде конца XV в. в качестве такой вотчины называется Великий Новгород. В своем ответе 1469 г. новгородцам, просившим допустить своего архиепископа Феофила к митрополиту Филиппу, великий князь Иван III, согласно летописи, отвечал, что «отчина моя Великий Новгород» (ПСРЛ, 1949: 284). Право на нее, как он объяснял новгородцам, основывалось на старине. Оно шло «изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимера, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в земли нашей» (ПСРЛ, 1949: 284). Та же мысль содержится в хронографе редакции 1512 г. В нем говорилось, что Иван III в 1478 г. совершил поход на Новгород. Он «привелъ Новъгородъ, отчину свою ... въ свою волю и наместники свои посади» (ПСРЛ, 2005: 534). В Степенной книге обоснование права Ивана III на Новгород как на свою вотчину дается уже со ссылкой прямо на Рюрика. Великий князь будто бы говорил, что «отчина моя есте изначала отъ первого въ земъли вашей великого князя Рюрика и до правнука его, святого и великого князя Владимирова, крестившаго всю землю Русскую» (ПСРЛ, 1913: 531).

Аналогичная мысль, согласно Степенной книге, содержалась в словах Василия III, сказанных в 1514 г. жителям Смоленска. Великий князь заявлял, что этот город «отчина наша есте от прародителей нашихъ, и ныне от Латыньския державы паки намъ богъ поручилъ васъ» (ПСРЛ, 1913: 589). То же самое, согласно Летописцу начала царства, говорил Ивану IV хан Шигалей. Ставший казанским ханом в 1546 г. по воле московских властей, он сказал: «Буди, государь, здрав, победи супостаты на своей вотчине на Казани в веки» (ПСРЛ, 1965: 109). Но Казань, в отличие от Новгорода и Смоленска, не была никогда вотчиной великих князей московских. Однако митрополит Макарий обосновывал возможность превращения Казани в новую вотчину московского царя. Он связывал такую возможность с тем, что на царя «превыде свыше божия благодать» и бог «царствующии град Казанский со всеми окрестными» ему «дарова» (ПСРЛ, 1965: 114). Таким образом, новую вотчину московский государь получил свыше, по воле божьей.

Следовательно, московский государь рассматривается в источниках в качестве государя-вотчинника, а разные города, входившие в состав государства, как его вотчины. Такое положение давало основание историкам считать великих князей и царей московских вотчинными государями,

а государство их наследственной вотчиной. На это прямо указывал Н.Г. Устрялов. «Власть государя московского ... в наследственной отчине ... была неограниченна: там великий князь был верховным судьей, правителем и законодателем», – писал он. Кроме того, Н.Г. Устрялов объяснял, что положение вотчинного государя предполагало положение его как законодателя, правителя и верховного судьи. Вместе с тем система прагматической истории, разработанная Н.Г. Устряловым, предполагала необходимость объяснения того, насколько соответствуют друг другу понятия вотчинника и государя. По его мнению, в Новгородской земле московский государь не считался вотчинником. Новгородцы к нему относились только как к «покровителю своему» и обязаны были ему лишь «определенною данью под названием даров, виры, пошлин и черного бора» (Устрялов, 1997: 195). Н.Г. Устрялов не делал при этом вывода о Московском государстве как о государстве вотчинном.

Более определенно о вотчинном государстве делал вывод К.Д. Кавелин. По его мнению, в историческом развитии государства имели место три стадии, которыми были родовой строй, вотчина и государство. По его словам, «небольшая княжеская вотчина» Ивана Калиты «через столетие выросла в Московское государство» (Кавелин, 1989: 45). Он показал при этом содержание процесса перерастания вотчины в государство. Связывал К.Д. Кавелин этот процесс с постепенной эволюцией сознания московских великих князей, с формированием у них понимания того, что интересы великокняжеской семьи следовало подчинить интересам нарождавшегося Московского государства. Заключалось это в том, что менялся на протяжении XIV–XVI вв. порядок раздела территории великого княжества между сыновьями-наследниками, и старший сын получал все большую долю в этом наследстве. Великими князьями московскими «этот шаг был сделан, но не вдруг». Лишь постепенно «держава, ее нераздельность были поставлены ими выше семьи» (Кавелин, 1989: 47), поскольку семейное начало предполагало учет интересов не только старшего, но и младших наследников. По его мнению, смена вотчины государством происходила постепенно и проявлялась уже в постепенной эволюции вотчинной системы. «Из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство», – подчеркивал К.Д. Кавелин (Кавелин, 1989: 48).

Вопрос о завершении существования вотчинного государства как перехода к новой России

Вотчинная система уступила в конечном счете, указывал К.Д. Кавелин, свое место государству. Но она оставила после себя глубокий след. «Тип вотчинновладельца, полного господина над своими имениями, лежит в основании власти московского государя», – отмечал он (Кавелин, 1989: 49). Замечание совершенно справедливое. Оно в то же время затрудняло более точное установление времени, когда окончательно произошла смена вотчины государством. В этой связи К.Д. Кавелин указывал скорее на косвенный признак и выделял его на уровне гипотезы. В полной мере признавая идею исторического прогресса и видя в смене вотчины государством несомненный прогресс, он в то же время исходил из того, что всякий прогресс означал шаг вперед в развитии не только общества, но и человека. «Личность – единственная, плодотворная почва всякого нравственного развития», – указывал он (Кавелин, 1989: 51). При этом, подчеркивал он, движущей силой общественного и личностного прогресса выступало государство, причем «Московское государство ... подготовило почву для новой жизни». Конкретные стороны этой новой жизни К.Д. Кавелин указывал. «Улучшение внутреннего управления, судопроизводства, обуздание произвола кормленщиков, законодательство», – такие полезные для общества перемены он видел в развитии государства (Кавелин, 1989: 49). По его мнению, такое положительное изменение начиналось при Иване Грозном, а завершилось при Петре Великом. Отсюда проявлялась апологетика им не только Петра I, но и даже Ивана IV, что не только безосновательно, но и не характерно для либерального западного мыслителя, каким был К.Д. Кавелин. Следовательно, уход в прошлое вотчинного государства имел место, согласно К.Д. Кавелину, при Петре I, и этому соответствовало утверждение во внутренней жизни русского общества личностного начала и отмирание традиций родового строя и вотчинных отношений. Однако сколько-нибудь определенного указания на время конца такого государства К.Д. Кавелин не давал.

Более определенное указание на время завершения существования в России вотчинного государства предлагал В.О. Ключевский. Он при этом указывал, что во время Ивана III вотчинные интересы великого князя способствовали объединению русских земель в составе Московского государства. Они были причиной его политики в отношении Литвы, направленной на присоединение западных русских земель. Согласно В.О. Ключевскому, Иван III будто бы говорил во время переговоров с литовской стороной: «Мне ... разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, – Киева, Смоленска и других городов?». Он приводил слова московских посланников, что «Русская земля – от наших предков из старины наша вотчина» (Ключевский, 1957а: 117). Но в то же время, как указывал историк, представление о государстве как о великокняжеской и царской вотчине прочно утвердилось в русском обществе. Это государство, полагали «московские люди того времени», «есть государство московского государя, а не московского или русского народа» (Ключевский, 1957б: 52). Однако события Смутного времени, указывал В.О. Ключевский, способствовали изменениям в сознании русского общества. Однако это происходило постепенно. Оно не признавало вполне законными государями выборных царей Бориса Годунова и Василия Шуйского, но лишь «один призрак природного царя в лице пройдохи неведомого происхождения успокаивал династически-

легитимные совести и располагал к доверию» (Ключевский, 1957b: 54). Тем не менее постепенно представление общества о царской власти менялось. Общество видело, что без царя «государство не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя» (Ключевский, 1957b: 67). Тем самым в общественном сознании утверждалась мысль, что «общество, народ не политическая случайность». Но «политическая случайность есть скорее всего династия» (Ключевский, 1957b: 68).

Выборный царь, как указывал В.О. Ключевский, в отличие от царя, принявшего престол в соответствии с правом наследования, «не мог смотреть на государство взглядом наследственного, как на свою вотчину». В 1598 г., когда пресеклась династия Рюриковичей-Калитичей, В.О. Ключевский видел настойчивый поиск основания для новой легитимности царя, которого предстояло избрать на престол при отсутствии династийных наследников. Он при этом ссылаясь на слова современника событий, капитана Ж. Маржерета, отмечавшего, как Борис Годунов хотел, чтобы «весь народ решил единодушно, кого возвести на престол». В.О. Ключевский считал, что Борис Годунов делал это «притворно» (Ключевский, 1957a: 394). Но тем не менее даже при этом было заметно стремление ввести новую легитимацию верховной власти в государстве ввиду невозможности сохранения прежнего вотчинного начала. Поэтому на избирательном земском соборе 1598 г. вообще родилась «новая идея народа не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителя ... государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю» (Ключевский, 1957b: 395). Отсюда, считал В.О. Ключевский, исходило историческое значение данного избирательного собора. На нем идея царского избрания как основа легитимности для его власти в государстве была принята русским обществом и поставлена в один ряд с традиционной легитимацией государя в качестве наследника государства как вотчины, для которой он являлся наследником, отчичем и дедичем. Конечно же, таким наследником Борис Годунов быть не мог. То же самое и Василий Шуйский, Рюрикович, но, по справедливой оценке В.Н. Козлякова, Шуйские – это «"бедные родственники" Рюрикова дома». Основу своей легитимности по генеалогической линии сам Шуйский, как указывал В.Н. Козляков, возводил не только к Рюрику, но и к Александру Невскому (Козляков, 2007: 13). Однако Василий Шуйский не принадлежал к роду Калитичей, великих князей московских, поскольку был представителем суздальско-нижегородской ветви Рюрикова дома, восходившей к сыну Александра Невского Андрею Городецкому. Родоначальником этой ветви считается князь Василий Дмитриевич Кирдяпа (Козляков, 2007: 14), праправнук Андрея Городецкого. И хотя князь Андрей Александрович занимал владимирский великокняжеский стол, как и его внук, Дмитрий Константинович, все-таки генеалогические притязания на Московское государство как на вотчину были для Василия Шуйского сомнительны.

Таким образом, В.О. Ключевский высказался о том, что Смута способствовала появлению в сознании русского общества сомнения в правах государей, появившихся в бурных событиях Смуты и не относившихся к дому Калиты, на государство как на вотчину. По-видимому, на избирательном земском соборе 1613 г. хорошо понимали это обстоятельство. Поэтому по тексту Утвержденной грамоты об избрании на престол Михаила Романова заметно стремление ее составителей подчеркнуть прямую генеалогическую связь между ним и прежней династией. На Михаила Романова указывалось как на «благородно корени благоцветущую отрасль», а также подчеркивалось, что это «великий государь, богом избранный» (Утвержденная грамота, 1906: 45-47). Следовательно, по традиции, государство является его вотчиной.

Но если В.О. Ключевский лишь осторожно указывал на формирование предпосылок ухода вотчинного государства в Московской Руси в прошлое, то историк и юрист Г.Г. Тельберг отмечал, что об этом прямо говорила эволюция российской правовой системы. Проведенный им анализ системы государственных преступлений по Соборному Уложению царя Алексея Михайловича указывал на то, что в нем эти преступления имели общность с «традиционными обязательствами подкрестных записей» (Тельберг, 1912: 102). Тем не менее за юридической традицией Г.Г. Тельберг находил принципиально новую сущность государства. Об этом, считал он, свидетельствует содержание статьи 18 из второй главы Уложения «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать». В ней упоминался «скоп и заговор» «на царское величество». Судя по содержанию этой статьи, указывал Г.Г. Тельберг, объектом преступления, против которого оно направлялось, было только «царское величество». Он при этом замечал, что, согласно статье 20 этой же главы, преступление могло быть направлено также «на его государевых бояр и околничих, и на думных и на ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей» (Соборное Уложение, 1987: 21). Среди этих «думных» и «ближних людей» были царские родственники. Однако в данном случае они выступали в качестве объекта преступного деяния не как царские родственники, но как служилые люди государя. Следовательно, данный объект преступления означал преступление, также непосредственно направленное «на царское величество».

Как обращал внимание Г.Г. Тельберг, в статье 1 той же главы говорилось об умысле «на государьское здоровье», а в статье 2, где речь шла про «измену» «державе царского величества», объект преступления в ней был только один – особа «царского величества» (Соборное уложение, 1987: 20). Но «"измена государевым детям" как особое политическое преступление» в этих статьях отсутствовала. По мнению Г.Г. Тельберга, такое отсутствие было неслучайно. Он подчеркивал, что ко

времени принятия Уложения время для существования подобного состава преступления закончилось. Такой состав преступления, считал Г.Г. Тельберг, мог иметь место «в эпоху, когда вся политическая жизнь была проникнута вотчинным взглядом на государство и государственную власть, когда правящая династия рассматривала эту власть, как свое достояние». В то время, указывал он, объектом «измены» как государственного преступления «становились все члены царствующего рода» (Тельберг, 1912: 103). Но в Уложении царя Алексея Михайловича об измене семье государя речи уже не было.

Вслед за В.О. Ключевским Г.Г. Тельберг объяснял это последствиями Смуты. По его словам, из потрясений Смутного времени Московское государство выходило «с просветленным государственным сознанием, в котором не оставалось места обветшавшей идеологии вотчинного государства». Выразилось это в том, что Михаил Романов был «не государь-вотчинник, а государь, избранный земским собором». Члены семьи царя, всего царского рода «не имели к этой власти никакого правового отношения и не могли заявлять на нее ни личных, ни родовых притязаний». По мнению Г.Г. Тельберга, упоминание в Уложении только о царе и отсутствие упоминания о родственниках царя было «симптомом прогресса политической мысли» в Московском государстве (Тельберг, 1912: 103). Это означало эволюцию от вотчинного государства к государству нового времени. Таким образом, как считал Г.Г. Тельберг, Смута способствовала завершению существования в России вотчинного государства, а Соборное уложение в 1649 г. обеспечило юридическое оформление этого завершения.

Критика представления об изживании вотчинного государства в XVII в.

Между тем в некоторых документах второй половины XVII в., то есть после принятия Уложения, среди лиц, которым приносится присяга, упоминается не только царь, но и царские родственники. Так, в присяге Войска Донского, принятой 29 августа 1671 г., после разгрома Разинского восстания, упоминались царица Наталья Кирилловна, а также царевичи Федор Алексеевич и Иван Алексеевич. Были также названы сестры царя, Ирина, Анна и Татьяна, и царские дочери, царевны Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина и Феодосия. В соответствии с формулярной традицией присяга упоминала «наследников», «которых и впредь великому государю бог даст» (Крестьянская война, 3, 1962: 146). В практиках взаимоотношений с окраинными территориями присяга властителей с упоминанием родственников царя имела место. В частности, на упоминание в присяге, которую приносили калмыцкий тайша Дайчин и его сын Мончак, имени царевича Алексея Алексеевича указывал В.Т. Тепкеев (Тепкеев, 2012: 247, 249, 289). Вотчинные понятия выражались не только в документах. В историческом труде «Синописис», созданном под руководством И. Гизеля и вышедшем в свет первым своим изданием в 1674 г., вотчиной царя был назван Киев. Это был «первоначальный всея России Царственный град». При царе Алексее Михайловиче он «от древняго достояния Царскаго паки в достояние Царское прииде». Согласно «Синописису», присоединение Киева к Московскому государству было исключительной заслугой царя, который «искони вечную скиптроносных прародителей его отчину, Царственный той град Киев в его скиптроносный Царский руце, яко природное Царское его присвоение, возврати» (Киевский синописис, 2006: 214).

Таким образом, на протяжении всего XVII в. традиционные представления о вотчинном характере Московского государства сохранялись достаточно прочно. Наиболее четко мысль о сохранении порядков и традиций вотчинного государства в этом веке высказывал Г.В. Плеханов. Он выделял при этом самое главное, которое заключалось в том, что и после Смуты власть царя «в государственных делах... оставалось беспредельной» (Плеханов, 1925: 224), что соответствовало положению государя-вотчинника.

Другие теоретические модели и основания к выводу о переходе к новому периоду российской истории

Высказывалась вместе с тем точка зрения, согласно которой началом государства в России Нового времени было Московское царство при Иване Грозном. Исследователи истории податного обложения в России З.В. Дмитриева и С.А. Козлов к государствам Нового времени, в соответствии с теорией военно-фискального государства, относили уже Россию с середины XVI в. Определяющий признак этого они видели в военной и финансовой политике правительства. По их словам, войны требовали «изменение номенклатуры налогов в чрезвычайных условиях военного времени» и «устойчивый рост косвенных сборов». По их мнению, военно-фискальное государство стало формироваться в России с середины XVI в., а в XVIII в. оно «достигло своего апогея» (Дмитриева, Козлов, 2020: 321).

Но в несравненно большей степени за последнее время было обращено внимание на некоторые обстоятельства, которые давали основание перенести хронологическую грань между русским Средневековьем и новой Россией в более поздний период, который приходился на время петровского царствования и начала Российской империи. Так, общий анализ внутреннего состояния российского общества и государства в период пребывания на престоле царя Федора Алексеевича давал основание П.В. Седову сделать вывод о сохранении в стране традиций глубокой архаики в разных сферах жизни, даже несмотря на отмену местничества в 1682 г. По его мнению, события времени царствования царя Федора Алексеевича были противоречивы и сложны для понимания. В эти годы, кроме отмены

местничества, «не было никаких кардинальных реформ». Но вместе с тем «при Петре I не случилось ничего такого, что не имело бы своих истоков во время Федора Алексеевича». В этой связи, заключал П.В. Седов, «годы царствования Федора, равно как и последующие годы регентства, обречены быть предметом споров историков: одни будут искать здесь начало Нового времени, а другие – конец уходящей эпохи» (Седов, 2008: 555). Сам П.В. Седов склонялся к тому, чтобы рассматривать время царствования Федора, как и весь XVII в. в России, временем старого Московского царства.

На новый период, начинавшийся с петровского царствования, указывал Р. Уортман. Проявлялся он в презентации власти, когда после взятия Петром I Азова создавался новый образ царя как победителя, в виде Геркулеса и бога войны Марса. В этой связи, по словам Р. Уортмана, русские столкнулись с западными метафорами монарха-героя, монарха-бога, символизирующими отказ от кроткого и смиренного образа царя» (Уортман, 2002: 69). Тем самым Петр I, подобно в прошлом князю Владимиру и патриарху Никону, «произвел ... акт культурного насилия» над русским обществом. Он «перестроил образ царя и элиты в соответствии с западноевропейским мифом о завоевании власти» (Уортман, 2002: 67). Новая церемония должна была внедрять в сознание русского общества новый образ царя как героя-победителя и властителя. Имела место «демонстрация военной мощи в чистом виде, покорение столицы в честь покорения новых земель для империи» (Уортман, 2002: 70). Этот образ царя решительно расходился с русской культурной традицией, но соответствовал западной традиции Нового времени, освоившей античные образы в своей культуре.

Подход Р. Уортмана к выделению начала нового периода в развитии страны и ее культуры вполне соответствует подходу, предложенному С.А. Нефедовым. При этом С.А. Нефедов конкретизировал мысль, которую высказывал еще А.И. Герцен, согласно которой Петр I – революционер на троне. «Под императорской порфирой в Петре всегда чувствовался революционер» (Герцен, 2010: 227), – писал он. Мысль о Петре I как революционере вообще была воспринята и поддержана отечественной общественно-исторической мыслью. В поэме «Россия» М. Волошин подчеркивал, что «в России революция была Исконнейшим из прав самодержавья» и в соответствии с этим «правом» действовал Петр I. Согласно С.А. Нефедову, совершенная Петром I революция произошла тогда, когда «Петр I отстранил от власти Боярскую думу, взял все управление на себя и стал абсолютным, неограниченным монархом», произошел «государственный переворот», или «революция сверху». Без Боярской думы царь «стал управлять ... всем государством – с помощью именных указов» (Нефедов, 2014а: 46). С.А. Нефедов указал на ярко выраженную «культурную» составляющую этого переворота, которую царь наглядно выразил 6 января 1699 г., на праздник Водосвятия. На этот день к «иордани» на реке Москве он вывел Преображенский и Семеновский полки в немецкой военной форме. Тем самым он «устроил настоящую демонстрацию военной силы» (Нефедов, 2014а: 45). Однако суть этой «революции сверху» он видел в другом. Основываясь на теории «военной революции» шестидесятых годов М. Робертса, он связал ее с принципиальной перестройкой армии, с переходом к созданию новой, регулярной армии, в соответствии с потребностями современной войны. Все это, как отмечал С.А. Нефедов, шло очень трудно, и царь даже «чувствовал себя неуверенно», и только Полтавская победа спасла его положение, «заставила смириться аристократическую оппозицию и примирила с царем часть дворянства». Но в то же время он отметил нарастание внутреннего противоречия, поскольку «управленческий механизм оставался допотопным – это была старинная система приказов» (Нефедов, 2014b: 57). Все это предполагало проведение административных реформ, соответствовавших принципам регулярного государства. И, как самое главное, перестройку системы государственной службы по европейскому образцу. «Принцип повышения по заслугам» был в ее основе, который был выражен в Табели о рангах. Это отвечало идеям С. Пуфендорфа, которыми Петр I был настолько увлечен, что даже перевод его книги «О должности человека и гражданина» «с похоронной серьезностью читал вслух на светских вечерах» (Нефедов, 2014b: 59), – указывал С.А. Нефедов со ссылкой на немецкого историка Х. Баггера. Другим основанием он видел полицейское регулирование, выраженное в «Регламенте Главному магистрату». В нем имелись нормы полицейского регулирования, которые были «одним из основных принципов "регулярного государства"» (Нефедов, 2014b: 60). Произошла смена вотчинного государства государством регулярным, соответствовавшим принципам внутренней жизни общества раннего Нового времени. Это было, согласно С.А. Нефедову, при Петре I. С его царствования он видел, таким образом, начало нового периода российской истории.

На самую тесную связь между идеями общего блага, характерными для европейской общественной мысли XVII в., камерализма в управлении и полицейского государства как механизма обеспечения общего блага силами государства указывал А.Б. Каменский (Реформы..., 2016: 27-28).

Характерные для регулярного государства нормы полицейского регулирования давали основание Р.А. Лубскому говорить о смене вотчинного государства на рубеже XVII–XVIII вв. государством полицейским. В качестве определяющих черт полицейского государства он выделял такие, как «представление о светском характере государства», «регламентация не только общественной, но и частной жизни людей», «представление об "общем благе" как цели создания регулярного государства». Принципиальное отличие от вотчинного государства заключалось в «отделении государства от государя, общества от государства» (Лубский, 2014: 23). Оно также

основывается на идее «централизации и бюрократизации государственного управления и строгой регламентации служебных обязанностей» (Лубский, 2014: 25). Такое построение государства соответствовало «рационализму в управлении, абсолютизму и цезарепапизму» (Лубский, 2014: 26). Р.А. Лубский выделял при этом особенности такого государства в России. Связывал он их со «спецификой русского культурного архетипа». Поэтому, подчеркивал он, в России «полицейское государство, наделявшееся сверхъестественными свойствами, воспринималось как творец всей общественной жизни». Тем самым в сознании русского общества возникал «этатизм, причем не в западном, а в восточно-деспотическом смысле» (Лубский, 2014: 27).

Что же касается массового сознания, то взгляд на Петра Великого и на его реформы как на начало новой России, пришедшей на смену обветшалому Московскому государству, является очень распространенным. Отчасти этому способствует само представление о личности первого российского императора в исторической памяти людей. Но в немалой степени этому способствовала политика культурной памяти, проводившаяся в стране в последние советские годы и в современной России. На это указывают такие ее стороны, как появление новых монументов царю. Это, прежде всего, памятник в Петропавловской крепости, созданный М.М. Шемякиным, в котором нашли отражение противоречия личности и деятельности Петра I. «Петр ужасен», – так оценивал общее впечатление от памятника философ И.И. Докучаев. Но при этом, по его словам, «Петр I – бесспорно, ключевая фигура в истории России» (Докучаев, 1994: 32), положившая начало новому периоду в развитии страны. Согласно же Е. Евтушенко, в образе Петра от М. Шемякина заметна «злобная надутость палача». Сходство лика царя с ликом восковой персоны наводит на мысль не только о позитивных, но и о тяжелых, даже страшных последствиях его деятельности для страны и народа. Для начала 1990-х годов, когда критика самодержавной тирании была востребована обществом, появление подобного памятника было неслучайно. Другой характер имеет монумент в Азове, созданный О.К. Комовым и А.Н. Ковальчуком в связи с 300-летием взятия крепости Петром I в 1696 г. На этом монументе образ царя иной. Он молодой и энергичный и как бы ведет страну и народ к лучшему будущему. В Азове к установке памятника отнеслись по-разному. Но в конечном счете в провинциальном городе с прочными консервативными традициями обращение «к вечным непреходящим ценностям, к необходимости ценить свое великое историческое прошлое» взяло верх (Колесник, 2001).

Оба памятника при всех различиях между ними имели общее между собой. Они отражали то, что в общественном историческом сознании идея начала новой России со времени Петра I усваивалась легче, чем с Московского государства при первых царях из династии Романовых. Этому способствовало представление о деятельности царя-реформатора, решительно и нередко жестоко разрывавшего со старыми порядками и вводившего в жизнь российского общества новые основания, соответствовавшие Новому времени. В этой связи теории вотчинного государства и регулярного государства были ближе к историческим представлениям широких слоев общества, чем теории нового периода российской истории с XVII в.

4. Заключение

Таким образом, в отечественной исторической мысли последних лет было заметно усиление интереса к теориям вотчинного государства и регулярного, или полицейского, государства, а также к хронологии перехода от русского Средневековья к новой Российской империи. Положение о том, что такой переход имел место не ранее, чем на рубеже XVII–XVIII вв., при Петре I, был обоснован завершением существования в это время средневекового вотчинного государства и переходом от него к регулярному государству раннего Нового времени. Тем самым положения этих теорий вновь сделали дискуссионным вопрос о времени перехода от русского средневековья к новой России, который, как казалось, разрешен окончательно. Несомненно, что дискуссия по этому значимому вопросу отечественной исторической мысли будет иметь свое продолжение.

5. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации проекта СП 14-22-05 "Аналитический центр "Институт исследования солидарной среды будущего". (Программа стратегического академического лидерства Южного федерального университета "Приоритет 2030").

Литература

Герцен, 2010 – Герцен А.И. О развитии революционных идей в России / Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 196-303.

Гриценко, 2021 – Гриценко К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов н/Д.-Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. 182 с.

Дмитриева, Козлов, 2020 – Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII веков. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.

- Докучаев, 1994 – *Докучаев И.И.* Памятник Михаила Шемякина Петру Великому как социокультурный феномен // *Петербург как феномен культуры*. Сб. статей. СПб.: Образование, 1994. С. 23-40.
- Екатерина II, 2010 – *Екатерина II.* Размышления о Петербурге и Москве // *Екатерина II. Избранное*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 811-812.
- Кавелин, 1989 – *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России / Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 11-67.
- Карамзин, 2010 – *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279-348.
- Киевский синопсис, 2006 – *Киевский синопсис* // *Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674)*. М.: Европа, 2006. 239 [2] с.
- Ключевский, 1957a – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 2 / Сочинения в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. 468 с.
- Ключевский, 1957b – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 / Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. 425 с.
- Козляков, 2007 – *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 301 [3] с.
- Колесник, 2001 – *Колесник В.* История творит нас, мы творим историю: Об истории создания памятника Петру I // *Азовская неделя*. 3 августа 2001 г.
- Крестьянская война, 3, 1962 – *Крестьянская война под предводительством Степана Разина*. Сб. док-тов в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. 491 с.
- Лавджой, 2001 – *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
- Лантева, 2006 – *Лантева М.П.* Теория и методология истории. Пермь: Изд-во ПГУ, 2006. 254 с.
- Ленин, 1979 – *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, 1979. Т. 1. С. 125-346.
- Лубский, 2014 – *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. 291 с.
- Нефедов, 2014 – *Нефедов С.А.* Происхождение регулярного государства Петра Великого // *Вопросы истории*. 2014. № 4. С. 43-50.
- Нефедов, 2014b – *Нефедов С.А.* Происхождение регулярного государства Петра Великого // *Вопросы истории*. 2014. № 5. С. 52-63.
- Очерки..., 1955 – *Очерки истории СССР. XVII в.* М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.
- Плеханов, 1925 – *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г.В. Соч.* М.-Л., 1925. Т. 20. XXVIII, 363 с.
- Погодин, 2010 – *Погодин М.П.* Петр Великий // *Погодин М.П. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 229-244.
- ПСРЛ, 1913 – *ПСРЛ*. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 344-708.
- ПСРЛ, 2005 – *ПСРЛ*. М.: ЯСК, 2005. Т. 22. 896 с.
- ПСРЛ, 1949 – *ПСРЛ*. М.-Л. Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. 464 с.
- ПСРЛ, 1965 – *ПСРЛ*. М.: Наука, 1965. Т. 29. 390 с.
- Репина, 2011 – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Реформы..., 2016 – *Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.* В 4 т. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. 430 с.
- Седов, 2008 – *Седов П.В.* Закат московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 603 [1] с., [4] л., ил., порт., табл.
- Соборное Уложение, 1987 – *Соборное Уложение 1649 года*. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
- Соловьев, 1988 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1 / Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 1. 797 [1] с.
- Тельберг, 1912 – *Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. VIII, 342 с.
- Тепкеев, 2012 – *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2012. 376 с.
- Уортман, 2002 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. 606 [1] с.
- Устрялов, 1858 – *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. LXXXVIII; 400 с.
- Устрялов, 1997 – *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «ФОЛИУМ», 1997. 957 с.
- Утвержденная грамота..., 1906 – *Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова с предисловием С.А. Белокурова*. М., 1906. 120 с.

References

- Gercen, 2010** – *Gercen, A.I.* (2010). O razvitií revoliutsionnykh idei v Rossii [On the development of revolutionary ideas in Russia]. *Izbrannye trudy*. M. Pp. 196-303. [in Russian]
- Gritsenko, 2021** – *Gritsenko, K.A.* (2021). Kniaz M.M. Shcherbatov i konservativnoe napravlenie rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli vtoroi poloviny XVIII v. [Prince M.M. Shcherbatov and the conservative trend of Russian sociopolitical thought in the second half of the XVIII century]. *Rostov-na-Donu: Taganrog*. P. 182. [in Russian]
- Dmitrieva, Kozlov, 2020** – *Dmitrieva, Z.V., Kozlov, S.A.* (2020). Nalogi i voiny v Rossii XVI-XVII vekov [Taxes and wars in Russia of the XVI–XVIII centuries]. SPb. [in Russian]
- Dokuchaev, 1994** – *Dokuchaev, N.I.* (1994). Pamiatnik Mihaila Shemyakina Petru Velikomu kak socio-kulturny fenomen [Monument of Mikhail Shemyakin to Peter the Great as a socio-cultural phenomenon]. *Peterburg kak fenomen kultury: sbornik statei*. SPb. Pp. 23-40. [in Russian]
- Ekaterina II – Ekatherina II** – *Ekatherina II*. Razmyshlenia o Peterburge i Moskve [Reflections on St.-Petersburg and Moscow]. *Izbrannoe*. M. Pp. 811-812. [in Russian]
- Kavelin, 1989** – *Kavelin, K.D.* (1989). Vzgliad na uridicheskii byt drevnei Rossii [A book of the legal life of ancient Russia]. *Nash umstvennyi stroi. Statii po filosofii istorii i kultury*. M. Pp. 11-67. [in Russian]
- Karamzin, 2010** – *Karamzin, N.M.* (2010). O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii [About ancient and new Russia in its political and civil relations]. *Izbrannye trudy*, M. Pp. 279-348. [in Russian]
- Kievskii sinopsis, 2006** – *Kievskii sinopsis* [Kiev synopsis]. *Mechta o russkom edinstve. Kievskii sinopsis (1674)*. M., 2006. 239 [2] p. [in Russian]
- Kluchevsky, 1957a** – *Kluchevsky, V.O.* (1957). Kurs russkoi istorii [Russian History course]. Ch. 2. *Soch.* v 8 t. M. T. 2. 468 p. [in Russian]
- Kluchevsky, 1957b** – *Kluchevsky, V.O.* (1957). Kurs russkoi istorii [Russian History course]. Ch. 3. *Soch.* v 8 t. M. T. 3. 425 p. [in Russian]
- Kozliakov, 2007** – *Kozliakov, V.N.* (2007). Vasilii Shuisky [Vasilii Shuisky]. M., 301[3] p. [in Russian]
- Kolesnik, 2001** – *Kolesnik, V.* (2001). Istoria tvorit nas, vy tvorim istoriu: Ob istorii sozdania pamiatnika Petru I [History creates us, we create history: About the history of the monument of Peter I]. *Azovskaia nedelia. 3 avgusta 2001 g.* [in Russian]
- Krestianskaia voina, 1962** – *Krestianskaia voina pod predvoditelstvom Stepana Razina* [Peasant war led by Stepan Razin]. *Sb. doc.* v 4 t. M. T. 3. 491 p. [in Russian]
- Lavdzhoi, 2001** – *Lavdzhoi, A.* (2001). Velikaia cep bytia. Istoria idei [The great chain of being. A study of the history of an idea]. M., 376 p. [in Russian]
- Lapteva, 2006** – *Lapteva, M.P.* (2006). Teoria i metodologia istorii [Theory and methodology of history]. *Perm*, 254 p. [in Russian]
- Lenin, 1979** – *Lenin, V.I.* (1979). Chto takoe «druzia naroda» i kak oni voiuut protiv social-demokratov? [What are the «friends of the people» and how do they fight against the Social Democrats? // Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* M., 1979. T.1. P.125-346. [in Russian].
- Lubsky, 2014** – *Lubsky, R.A.* (2014). Rossiiskaia gosudarstvennost kak socialnaia realnost [Russian Statehood as a social reality]. *Rostov-na-Donu*, 291 p. [in Russian]
- Nefedov, 2014a** – *Nefedov, S.A.* (2014). Proishozhdenie regularnogo gisudarstva Petra Velikogo [The origin of the regular State of Peter the Great]. *Voprosy istorii*. 4: 43-50. [in Russian]
- Nefedov, 2014b** – *Nefedov, S.A.* (2014). Proishozhdenie regularnogo gisudarstva Petra Velikogo [The origin of the regular State of Peter the Great]. *Voprosy istorii*. 5: 52-63. [in Russian]
- Ocherki..., 1955** – *Ocherki istorii SSSR. XVII v.* [Essays on the history of the XVII century] M., 1955. 1032 p. [in Russian]
- Pogodin, 2010** – *Pogodin, M.P.* (2010). Petr Veliky [Peter the Great]. *Izbrannye trudy*, M. Pp. 229-244. [in Russian]
- Plehanov, 1925** – *Plehanov, G.V.* (1925). Istoria russkoi obshestvennoi mysli [History of Russian social Thought]. *Soch.* M.; L., 1925. T. 20. XXVIII, 363 p. [in Russian]
- PSRL, 1913** – *PSRL* [The CCRC]. SPb., 1913. T. 21. Ch. 2. Pp. 344-708. [in Russian]
- PSRL, 2005** – *PSRL* [The CCRC]. M., 2005. T. 22. 896 p. [in Russian]
- PSRL, 1949** – *PSRL* [The CCRC]. M., 1949. T. 25. 464 p. [in Russian]
- PSRL, 1965** – *PSRL* [The CCRC]. M., 1965. T. 29. 390 p. [in Russian]
- Repina, 2011** – *Repina, L.P.* (2011). Istoricheskaia nauka na rubezhe XX-XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaia practica [Historical science at the turn of the XX-XXI centuries: social theories and historiographical practice]. M.: 560 p. [in Russian]
- Reformy..., 2016** – *Reformy v Rossii s drevneishih vremen do kontsa XX v.* [Reform in Russia from ancient times to the end of the XX century]. V 4 t. V., 2016. T. 2. XVIII – pervaiia polovina XIX v., 430 p. [in Russian]
- Sedov, 2008** – *Sedov, P.V.* (2008). Zakat Moskovskogo carstva. Carsky dvor konca XVII veka. [The decline of the Moscow kingdom. The Royal court of the end of the XVII century]. SPb., 603 [1] p., [4] l., il., port., tabl. [in Russian]

- [Sobornoe Ulozhenie, 1987](#) – Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [The Cathedral Code of 1649]. Rommentarii. M., Nauka, 1987. 448 p. [in Russian]
- [Soloviov, 1988](#) – *Soloviov, S.M.* (1988). Istorია Rossi s drevneishih vremen [The history of Russia since ancient times]. Kn. 1. Soch. v 18 kn. M. Kn. 1. 797 [1] p. [in Russian]
- [Telberg, 1912](#) – *Telberg, G.G.* (1912). Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenii v Moskovskom gosudarstve XVII veka [Essays on the political court and Political Crimes in the Moscow State on te XVII century]. M. VIII, 342 p. [in Russian]
- [Tepkeev, 2012](#) – *Tepkeev, V.T.* (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka [Kalmyks in the Northern Caspian region in the second third of the XVII century]. Elista, 376 p. [in Russian]
- [Uortman, 2002](#) – *Uortman, R.S.* (2002). Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoi monarhii [Scenarios of power Myths and ceremonies of the Russian Monarchy]. M. T.1. 606 [1] p. [in Russian]
- [Ustrialov, 1858](#) – *Ustrialov, N.G.* (1858). Istorია carstvovaniia Petra Velikogo [The history of the reign of Peter the Great]. SPb. T. 1. LXXXVIII. 400 p. [in Russian]
- [Ustrialov, 1997](#) – *Ustrialov, N.G.* (1997). Russkaia istorია do 1855 goda, v dvuh chastiah [Russian History before 1855, in two parts]. Petrozavodsk, 957 p. [in Russian]
- [Utverzdennaia gramota, 1906](#) – Utverzdennaia gramota ob izbranii na Moskovskoe gosudarstvo Mihaila Fedorovicha Romanova s predisloviem S.A.Belokurova [The approved certificate of election to the Moscow State of Mikhail Fedorovich Romanov with a preface by S.A. Belokurov]. M., 1906. 120 p. [in Russian]

От средневекового царства к империи Нового времени: модели государственного устройства в России XVII – начала XVIII вв. в отечественной исторической мысли

Людмила Владимировна Мининкова ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Вопрос о времени перехода от средневекового Московского царства к России Нового времени, политической формой которой стала Российская империя, был поставлен в российской общественно-исторической мысли с XVIII в. Преобладала точка зрения, что начало нового периода российской истории приходится на время царствования Петра I. С опорой на принцип историзма С.М. Соловьев указывал, что начало нового периода истории России приходилось на XVII в., когда складывались предпосылки Петровских реформ. Эта точка зрения прочно утвердилась в отечественной историографии, в том числе в советский период. За последнее время была выдвинута новая аргументация в пользу перехода к новой России в царствование Петра I. Основанием для такого пересмотра стали теории вотчинного государства и регулярного, или полицейского, государства, на которые обращается внимание в трудах современных историков. Подчеркивается, что завершение существования вотчинного государства и переход к регулярному государству означал переход к новой России, что произошло при Петре I. В историческом сознании широких слоев населения новый период истории страны также связывается с Петром Великим.

Ключевые слова: общественно-историческая мысль России, отечественная историография, новый период российской истории, вотчинное государство, регулярное государство, полицейское государство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lvmininkova@sfedu.ru (Л.В. Мининкова)